

ДО 70-РІЧЧЯ ПОЧАТКУ ВІЙНИ

УДК 902.21

ВОЗМОЖНА ЛИ АРХЕОЛОГИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ?

Кобалия Д.Р.

к. и. н., заведующий отделом
охраны памятников и археологии
Национального заповедника «Хортица»

В статье анализируется законодательная база и украинские реалии в области охраны памятников времен Второй мировой войны. Традиционная отстраненность профессиональных археологов от исследования объектов этого периода компенсируется повышенной активностью «черных археологов» («копателей»). Автор призывает к широкому диалогу научных кругов с общественными и поисковыми организациями, распределение функций, что позволит оптимизировать исследовательскую работу и охрану объектов Второй Мировой войны, в том числе – под водой.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, археология, «черные археологи», «копачи».*

Наверное, одним из самых драматических периодов в мировой истории XX века были годы Второй Мировой войны. События тех лет кардинально изменили мир, его мировоззрение и систему ценностей. Не удивительно, что в исторической науке эта тема еще многие десятилетия будет находиться среди наиболее востребованных. События тех лет оставили после себя целые библиотеки архивных данных – от секретных директив на высшем уровне до оперативных сводок войсковых соединений и писем участников боевых действий. Основной массив этих материалов состоит из письменных источников и – в гораздо меньшей степени – из кино, фото- и аудиодокументов.

Одними из наименее актуализированных в настоящий момент источников являются физические недвижимые объекты. Все они, как правило, не подпадают под охрану в качестве памятников истории, однако де-факто являются таковыми. Это: фортификационные сооружения, составляющие целые укрепрайоны, места военных полевых лагерей, артиллерийские позиции, цепи окопов и ходов сообщений, минные поля, кладбища, места сражений, переправы, оборонительные линии и многое другое.

Несмотря на то, что Государственный реестр недвижимых памятников Украины до сих пор не опубликован, существует перечень, предоставленный в распоряжение общественной организации «Викимедия Украины» Министерством культуры Украины. В сопроводительном письме отмечается, что перечень не является окончательным, однако это не мешает нам проанализировать представленные в нем данные. Из наличных в списке 3 476 памятников национального и местного значения 841 объект или более 24 % относятся ко времени Второй Мировой войны. Из них 78,1 % – это братские и индивидуальные могилы советских воинов и жертв войны. Основная масса их расположена в восточных областях. Только 3 из 659 мест погребений имеют отношение к военнопленным и иностранным военнослужащим. Еще 11,8 % являются мемориалами. К недвижимым объектам относятся только 8,6 %. Это доты в Киевской и Хмельницкой области, а также отдельные узлы фортификации и концлагерь на территории Львовщины. Кроме них весьма незначительным количеством представлены памятные места – 0,7 % и затонувшие корабли 0,3 % соответственно. Все вместе они составляют менее 10 % от общего количества памятников этого времени и только 2,3 % от общего списка.

Так как данный перечень не является окончательным и обнаруживает, к тому же, большие диспропорции в отношении количества и типологии объектов по областям, имело смысл проанализировать какой-либо из существующих реестров, сформированных в советское время. По данным КП «Запорожского областного центра охраны культурного наследия» на территории Запорожской области из 1 074 объектов военного времени 856 или 79,7 % являются братскими или индивидуальными могилами, еще 206 или 19,1 % – мемориалами, 10 или 0,9 % памятными местами и только 2 памятника (0,1 %) блиндажами в Мелитопольском районе.

Реальная картина представляется иной. Например, по данным 2011 года на территории Национального заповедника «Хортица» сохранились визуально читаемые следы более 100 блиндажей, пулеметных точек и артиллерийских позиций. Длина же ходов сообщения и стрелковых окопов на острове исчисляется километрами. Легко представить себе, что в пределах Украины количество таких объектов может насчитывать тысячи, а протяженность боевых позиций десятки тысяч километров.

В настоящее время вопросы охраны и учета памятников истории регламентируются Законом Украины «Про охрану культурного наследия», принятым 8 июня 2000 года № 1805-III и дополнявшимся последующие 11 лет. Из пункта 2 статьи 2 Закона следует, что все эти объекты по видовому признаку могут рассматриваться как исторические. Среди прочих, статья включает в эту категорию: здания, сооружения, отдельные погребения, места массовых погребений военнослужащих (в том числе иностранцев), места

боевых действий, а также места, связанные с важными историческими событиями. Следуя статьям 1 и 9 этого Закона объекты, не внесенные по каким-либо причинам в государственный реестр и до этого момента не имеющие статус памятника, считаются объектами культурного наследия и подлежат охране, с правом исследовательского доступа к ним особ, уполномоченных на это органами охраны культурного наследия. Далее, в статье 11, Закон регламентирует участие в охране объектов культурного наследия научных учреждений, предприятий, общественных организаций и отдельных граждан. В частности, она предписывает им способствовать региональным органам охраны культурного наследия и даже предполагает шефство первых над отдельными объектами. Проведение земляных работ и археологических изысканий определяется пунктами статьи 35 [1]. Однако, несмотря на это, мы наблюдаем явную диспропорцию в вопросе исследований и постановки на учет объектов Второй Мировой войны.

Одной из причин такой ситуации является необычайная устойчивость мифологемы, унаследованной нами со времен СССР. Подвиг советского человека в годы Великой Отечественной войны и его последующее увековечивание в памяти народа служил поводом воспринимать их прежде всего как мемориальные объекты. При этом, материальный аспект памятников, как то: изучение быта армий, условий их обеспечения, фортификацию, микрохронологию тех или иных технических инноваций, реконструкцию фронтовых эпизодов и многое другое, обычно оставался за кадром. Зачастую он был просто лишним, так как официальная версия событий декларировалась на государственном уровне.

Еще одна причина лежит в плоскости методологии. Археология в советских республиках рассматривалась как самостоятельный отдел исторической науки, изучающий развитие человеческого общества и закономерности этого развития преимущественно по вещественным историческим источникам [3, с. 6].

Такой взгляд мало чем отличался от общепринятого с той только разницей, что в СССР археология была именно самостоятельным отделом истории, а не ее вспомогательным придатком, как, например, в Великобритании и, тем более, не антропологией как в США. В то же время, она не рассматривалась здесь и как самостоятельная дисциплина. Вместе с тем, широко распространенным тезисом в советской науке была актуализация археологии в исследовании вещественных источников дописьменного периода. Считалось, что археология изучает прошлое до той грани, когда сведения, полученные из письменных источников, подавляют сведения, извлеченные из вещественных. Поэтому в хронологии она редко поднималась выше XV-XVI столетий [3, с. 5]. В Украине верхние рамки могли быть и ниже, так как изучение позднего средневековья подпадало под «национализм». Результатом такого положения дел становится традиционная

отстраненность специалистов-археологов от материальных объектов Второй Мировой войны. Вся активность в рамках законодательства сводилась к упомянутой выше деятельности общественных организаций, районных администраций и отдельных историков по выявлению останков погибших солдат (преимущественно советских) и организации мемориалов. Такое положение дел в той или иной степени сохраняется до сих пор.

С возникновением самостоятельного украинского государства ситуация еще более усугубилась. Кризис культуры, порожденный шаткостью национальной парадигмы и жесткие экономические условия, в которых оказалось государство, не могли не отразиться на положении науки в целом и гуманитарной ее сферы в частности. Нехватка средств, а также заикленность социогуманитарного направления на эмпирической стадии, неспособной к предвидению возможных состояний объекта исследований неизбежно приводит к мифотворчеству, а точнее – его продолжению в постсоветский период. Крайним проявлением этого является искажение не только исторических событий, но и самой исторической науки на страницах учебной и образовательной литературы.

На фоне ясно видимых кризисных явлений в гуманитарной сфере наблюдается всплеск так называемой «черной археологии». Появление и повсеместное применение столь неудачного термина само по себе может быть косвенным подтверждением упадка украинской археологии, свидетельством непонимания социумом ее задач и целей. В некоторых случаях «черная археология» рассматривается даже как альтернатива «официальной» академической науке, что совершенно неприемлемо! По сути, это бессовестный грабеж памятников, который охватывает широкий хронологический спектр культурного наследия – от времен неолита и до наших дней. При этом, материальные объекты Второй Мировой войны, в силу сложившейся традиции и отсутствия интереса к ним археологов, находятся в наиболее уязвимом положении.

В последнее время широкое распространение получил термин «военная археология», не имеющий, впрочем, ничего общего с методикой и теорией археологического исследования. Как правило, он используется в среде «копачей», таким образом обозначающих направление своей деятельности.

Между тем, сообщество так называемых «черных археологов» как социокультурное явление, требует к себе пристального внимания. По результатам соцопроса, владельцев металлодетекторной аппаратуры или тех, кто условно может быть причислен к «копачам», на Украине насчитывается не менее 9 тысяч человек. В данную категорию включены те, кто используют аппаратуру регулярно, т.е. до десяти раз в год. Из них только около 5 % рассматривают такую деятельность как средство постоянного заработка, остальные воспринимают это как хобби, занимаются коллекционированием,

обменом и продажей найденных предметов. Подавляющее большинство – это мужчины, две трети из которых – в возрасте от 25 до 45 лет. Любопытно, что почти 80 % группы имеют высшее образование. Больше половины предпочитают одиночную или парную практику на собственном автотранспорте, в группах от 3 и более человек задействовано до 40 % опрошенных.

Внутри группы прослеживается дифференциация по направлениям. Так, до 80 %, или более 7 тысяч человек, специализируются как раз на объектах Второй Мировой войны. Из них только незначительная часть (в основном это городское население) состоит в официальных поисковых отрядах, занимающихся поиском и перезахоронением солдат и их останков. Еще около 15 % «копачей» (преимущественно из городов) занимаются поиском предметов старины, от античности и до начала XX века. К ним относятся «кладоискатели», «чердачники», «монетники», сюда же – «пляжники» и т. д. Естественно, такая практика не может считаться полноценным археологическим исследованием, так как помимо эксгумации основной задачей «копа» является бессистемный поиск отдельных предметов. Непосредственно «черными» даже в среде «копателей» называют тех, кто под прикрытием различных полукриминальных структур занимается целенаправленным разграблением памятников археологии и вандализмом. Эта категория насчитывает до 5 % группы и, как правило, не фигурирует на интернет-форумах. Их деятельность воспринимается сообществом скорее негативно и даже враждебно. Это меньшинство отличается от остальных грабительскими раскопками на большую глубину с проникновением в культурный слой и изъятием ценностей с целью их перепродажи. Для этого используются не поверхностные, а более дорогие глубинные металлодетекторы, георадары, а иногда и сельскохозяйственная техника. Этот же круг лиц специализируется на поиске, подъеме и перепродаже военной техники, в основном немецкого производства.

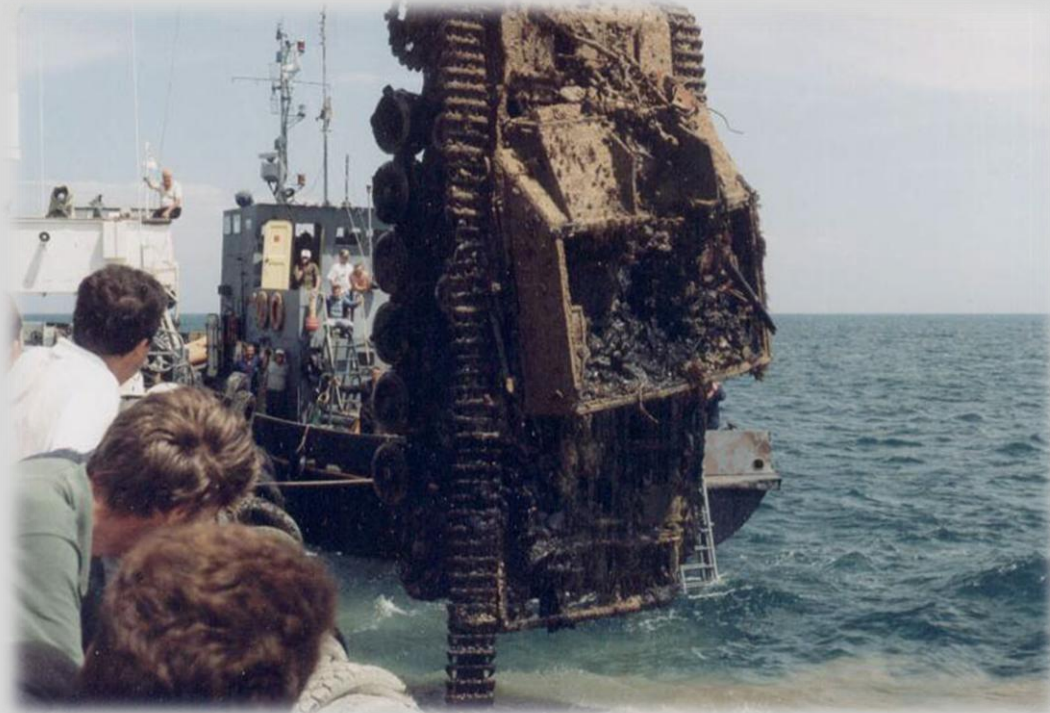
Таким образом, мы имеем дело с явлением, которое не следует упрощать. С одной стороны можно констатировать рост неконтролируемого поиска древностей, преимущественно на поверхности и в дерновом слое. Как правило, такой поиск бессистемен, так как не связан с методикой и общими задачами научного исследования. Большинство находок, которые могли бы указывать на те или иные события прошлого, местонахождение исторических объектов и так далее, рассматриваются как самостоятельные, имеющие коммерческую и коллекционную ценность, предметы вне контекста их нахождения. Изъятие залегающих в верхних слоях предметов без их надлежащей полевой фиксации, описи и консервации, особенно негативно сказывается на памятниках Второй Мировой войны. С другой стороны, стремительный рост популярности металлодетекторного поиска в Украине не случаен. Это обусловлено

появлением технических новинок, открывающих для любителей старины новые возможности, неготовностью к этому факту научных кругов, невниманием со стороны государственных служб и отсутствием широкой дискуссии по данному вопросу. Как следствие — несовершенство нормативно-правовой базы в сфере охраны культурного наследия.

Общеизвестно, что археология как наука зарождалась из интереса общества к древностям и предметам старины. На нашей территории они имели прямое отношение к памятникам античности. Этот процесс интеграции «коммерческого краеведения» в научную дисциплину был достаточно долгим, причем сама тенденция нередко повторялась. Так, в основе появления советской подводной археологии присутствовали все те же мотивы — поиск ценностей, но уже под водой. Легендарные сокровища «Черного принца» приводят сначала к формированию Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН) и только после этого возникает новое направление в науке с его поддержкой на государственном уровне.

Справедливости ради следует отметить, что именно в области подводной археологии – и именно за объектами Второй мировой войны – контроль со стороны государственных органов наименее эффективен. Директор Департамента подводного наследия Украины С. Воронов приводит внушительный перечень случаев ограбления и сознательного уничтожения затонувших судов. Так, в частности, в 2002 году был разрезан на металл частной фирмой эсминец «Фрунзе». Продан с аукциона неизвестному лицу для разделки на металлолом крейсер «Червона Украина». Несмотря на огромную глубину, технодайверы грабят каюты парохода «Ленин». «В 2001 году, в год подписания от имени Украины Международной конвенции об охране подводного культурного наследия ЮНЕСКО в Николаевском порту была разрезана на металлолом легендарная «Щука», ордена Боевого Красного Знамени подводная лодка «Щ-209». Это была последняя подлодка эпохи Второй мировой войны, которая непосредственно принимала участие в боевых действиях» [4, с.193]. В порту Феодосии ежегодно дайверы разворовывают груз транспорта «Жан Жорес» (1942). На траверзе Алупки растянуты на сувениры остатки единственного в Украине бомбардировщика «Douglas Boston» – «А-20» (1943). С борта немецкого транспорта «Santa-Fe» (1943) подняты три штурмовые орудия «Stu G 40 Ausf G» и автоматическая пушка «Fleek-30»: одну из них было продано в Великобританию, вторую реквизируют польские таможенники при попытке продажи за границу, третью продали частному предприятию в Украине. В 2006 году во время непрофессионального подъема был разрушен гидросамолет «Do-24-T-1» (1944). В Каламитском заливе грабят груз болгарского транспорта «Варна» (1943) и немецкого транспорта «Wolga-Don» (1943). Известно, что с «Wolga-Don» в 2002 году был поднят и продан немецкий мотоцикл на гусеничном ходу, в 2009 – оба становых якоря. Активно

ищется бронетехника в районе Корсунь-Шевченковского «котла», в Черниговской и Хмельницкой областях. В 2008 году был продан за границу немецкий танк «TV» («Пантера»). И это только известные, единичные случаи, зафиксированы правоохрнительными органами [4, с.194].

Подъем немецкого штурмового орудия с транспорта «Santa-Fe».

Иначе говоря, существующая система предельно жесткого государственного контроля вовсе не гарантирует сохранности памятников. Если ничего не менять, то уже через несколько лет у нас есть реальный шанс лишиться всех объектов Второй мировой войны, находящихся в водоемах Украины. Вот почему наряду с поиском и фиксацией подводных объектов «дописьменного» периода перед нами стоит задача сохранения для потомков наследия и этой, сравнительно недавней эпохи.

Не беря на себя смелость констатировать возникновение «археологии нового времени» и, тем более, «археологии Второй Мировой войны», отметим, что предпосылки для этого уже сложились и сама терминология, как говорится, на слуху. Инициатива в очередной раз диктуется потребностями общества и техническим прогрессом. На территории Западной Европы исследованные и восстановленные памятники двух мировых войн давно пользуются не только научной, но и туристической популярностью, это социальные объекты. Поэтому аналогичный интерес к ним на Украине, при всей его бессистемности и неорганизованности, вполне естественен.

В сложившейся ситуации может быть крайне полезной организация широкой дискуссии касательно охраны и использования памятников Второй Мировой войны. Диалог научных кругов с общественными и поисковыми организациями позволит не только выработать единые принципы отношения к данным объектам, но и организовать повсеместную краеведческую работу. Таковая должна включать локализацию памятников, уточнение их картографии, раскопки и реконструкцию исторических событий, создание системы учета и общественного контроля их состояния. Естественно, использование металлодетекторов в археологии ограничено и не дает возможности решения широкого спектра задач. Однако уточнение местоположения объектов нового и новейшего времени открывает для этого определенные перспективы, тем более что такой поиск имеет поверхностный характер и может приравниваться к визуальной разведке. Разумеется, наиболее слабым местом является коммерческий аспект и стремление личной наживы возможных участников. По этой причине развитие направления не представляется совсем безоблачным.

С другой стороны, проблема не нова и классическая археология уже сталкивалась с ней в начале своего пути. Как показывает опыт западных стран, наиболее качественным и всесторонним методом охраны культурного наследия является именно общественный контроль, а также понимание культурного и коммерческого потенциала памятников как туристических объектов. Государственные институты играют здесь роль организаторов и координаторов такой деятельности, вместе с тем они же контролируют ее направленность. На Украине все иначе – жесткая вертикаль органов охраны, их хроническое недофинансирование и отсутствие постоянного контакта с обществом, выводит такую деятельность за грань восприятия социумом. В этом, на наш взгляд, и кроется корень неэффективности государственной системы охраны памятников, этим же объясняются и нарушения, которые мы повсеместно фиксируем на объектах культурного наследия.

Литература

1. Закон Украины «Об охране культурного наследия» № 1805 – III от 08.06.2000 г.
2. Закон Украины «Об охране археологического наследия» № 1626 – IV от 18.03.2004 г.
3. Авдусин Д. А. Основы археологии / Даниил Антонович Авдусин. – Москва: Высшая школа, 1989. – 336 с.
4. Воронов С.О. Проблеми підводної спадщини України / С. О. Воронов // Черноморские румбы. Международный морской журнал. – 2010. – Вип. 9. – С. 189-197.

Кобалія Д.Р. Чи можлива археологія Другої світової?

У статті аналізується законодавча база та українські реалії в галузі охорони пам'яток Другої світової війни. Традиційна відстороненість

професійних археологів від дослідження об'єктів цього періоду компенсується підвищеною активністю «чорних археологів» («копачів»). Автор закликає до широкого діалогу наукових кіл з громадськими та пошуковими організаціями, розподілу функцій, що дозволить оптимізувати дослідницьку роботу та охорону об'єктів Другої Світової війни, в тому числі – під водою.

Ключові слова: *Друга світова війна, археологія, «чорні археологи», «копачі».*

Kobaliya D.R. How archaeology of WWII is possible?

The article analyzed the legal framework and Ukrainian realities of protection of monuments of the Second World War. Traditional aloofness from professional archaeologists study objects of this period is compensated by increased activity of “black archeologists” (“diggers”).The author calls for a broad dialogue with the scientific community and public organizations search, allocation of functions that will optimize the research and protection of objects of the WWII, including underwater.

Keywords: *World War II, archeology, “black archeologists”, “diggers”.*